

ские слабости и превозносятся добродетели. Порой это повести об исключительных случаях, пророчествах и чудесах, приключенческие рассказы в рыцарском стиле, идеализированные портреты исторических личностей (например, Тамерлана) или же экскурсы этнографического и естественнонаучного характера (о причинах приливов и отливов, о проблемах движения), которые демонстрируют разносторонность интересов автора. Во вставных эпизодах также встречаются отголоски исторических событий: Реконкисты в Испании (рассказ об арабах, откупивших у испанцев Гренаду с помощью «винных ягод», в которых были спрятаны монеты), антиосманской борьбы (рассказы о Яноше Хуньяди и Скандербеге) и др. Историческое описание в понимании Халкокондила принадлежит к категории искусства, и усилия автора направлены не столько на достоверную передачу подлинных фактов, сколько на то, чтобы доставить читателям эстетическое удовольствие. Художественные задачи порой явно превалируют над логикой изложения.

Халкокондил был типичным представителем поздневизантийского культурного эллинофильства (данью этой моде было само изменение писателем своего христианского имени Николай на Лаоник). Преклоняясь перед культурой древних, он верил в конечное торжество греческой свободы и образованности. Подражая античной историографии, он архаизирует географические понятия и этнонимы, стремится очистить от поздних наслоений древнегреческий язык, возродить лингвистические, синтаксические и стилистические формы классики, что делало его язык искусственным и труднодоступным для современников.

Хотя Халкокондил считал византийцев наследниками культуры эллинов, он четко разграничивал понятия *ромей* и *римляне*. Подобно Пахимеру и Кривовулу, он разделял теорию последовательной смены мировых держав: ассирийской, мидийской, персидской, эллинской, римской, османской. Как Григора и Дука, он полагал, что некая трансцендентальная сила управляет всем ходом истории. Иногда это — сам Бог, иногда — судьба или рок⁵¹. Он весьма склонен к фатализму, верит предсказаниям оракулов (PG. Т. 159. II. 127—130), т. е. близок по мировосприятию как к античным, так и к средневековым историкам.

Вместе с тем Халкокондил абсолютно равнодушен к религиозным вопросам. Церковную унию он целиком отождествляет с политическим союзом, имевшим целью организацию антиосманского крестового похода. Конфессиональные споры вокруг унии его не интересуют. Рассказывая о еретических учениях, он проявляет большую веротерпимость. Ислам и христианство для Лаоника — равноценные религии⁵². Имеются у него и зачатки исторической критики: подобно Дуке, он излагает иногда разные версии одного и того же события, пытается критически проверить доступные данные. Можно говорить и об идее прогресса в развитии истории у Лаоника, и о его ярко выраженном историческом оптимизме, который, в частности, проявлялся в твердом убеждении автора, что наступит время, {296} когда греки обретут свободу и независимость⁵³. В целом Халкокондил относился к истории как к сокровищнице иллюстративного материала, способного воспитывать читателя на исторических примерах, что сближает его с представителями риторического направления итальянской гуманистической историографии XV в.

Для культурной жизни Византийской империи в эпоху Палеологов было характерно интенсивное развитие исторического мышления. Исторической литературе Византии всегда были присущи сознание родства с культурой античности и преемственности с ней, преклонение перед ней, подражание античным образцам. Греческим историкам в отличие от ренессансной гуманистической историографии не понадобилось открывать для себя заново античное понимание истории как особого искусства. Многие черты ренессансного историзма — такие, как дидактические задачи исторического сочинения, диалогичность мышления, христианско-языческий культурный синтез, мифологические реминисценции, архаизация топонимов и этнонимов, — для византийских писателей, даже весьма далеких от столичной интеллектуальной среды, являлись традиционными элементами историографии. Однако тогда как итальянская гуманистическая историография сумела в XIV—XV вв. внести заметный вклад в процесс превращения исторических знаний в научные, введя принципы критического анализа источников,

⁵¹ Turner C. J. G. Op. cit. S. 360—361.

⁵² Turner C. J. G. Op. cit. S. 359.

⁵³ Веселого Е. Б. К вопросу об общественно-политических взглядах и мировоззрении византийского историка XV в. Лаоника Халкокондила // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1960. Т. IX. С. 43—49.